

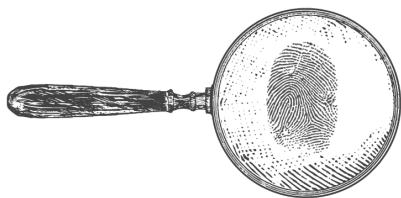
**ЧИТАЙТЕ
РЕТРОДЕТЕКТИВЫ
ЛИЗЫ ЛОСЕВОЙ:**

Черный чемоданчик Егора Лисицы

Правый берег Егора Лисицы

Мертвый невод Егора Лисицы

Лиза Лосева

Черный чемоданчик
ЕГОРА ЛИСИЦЫ

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л79

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Н. Каштыкиной*

Лосева, Лиза.

Л79 Черный чемоданчик Егора Лисицы / Лиза Лосева. – Москва : Эксмо, 2023. – 320 с.

ISBN 978-5-04-186871-0

Пора надежд и невзгод – 20-е годы в России прошлого века. Южный город, «маленький Париж», где смешались большевики, масоны и местные банды. Молодой врач Егор Лисица расследует преступления при помощи передовой науки – криминалистики. Ночью его вызывают в штаб, где найден мертвый телеграфист. Но уже через пару дней в составе отряда Лисице приходится покинуть город, чтобы доставить ценный груз к морю. Связано ли убийство телеграфиста с миссией отряда? Что хранит черный чемоданчик Егора Лисицы и поможет ли знание прогрессивных научных методов молодому врачу?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лосева Е., 2023

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-186871-0

Город построили на дне. Дома все были с белыми боками — из ракушечника. Этого камня осталось много после того, как море ушло сотни лет назад. Его брали для строительства города, для чего рыли глубокие ходы в склонах холмов. Об этом мне рассказал мой друг, горячо увлеченный студент-биолог. Море ушло, но осталась река, очень широкая. И, оглядываясь назад, я всегда вижу город будто сквозь желтоватую речную воду. Он, как желтая скибка дыни, золотой от солнца.

Город стоит на берегу. Запах реки, камыша, свежий, кисловатый, в городе повсюду. И здесь, на главной улице, — тоже. Ветер приносит его в особняк семьи купца Парамонова, где теперь штаб Добро-

вольческой армии. Сам купец с женой и детьми благополучно отбыл за границу. А мы с военным врачом Эбергом и судебным следователем Курнатовским стоим под стеклянным потолком в зимнем саду, откуда давно унесли все кадки с растениями.

Не считаю я пока, что готов стать следователем. Меня немного мутит от запаха крови и еще сильнее — от усталости, и думать о деле мне тяжело. А ведь Курнатовский взял меня с собой именно для дела. Он совершенно справедливо указал мне на то, что мы должны послужить своей стране. Сколько успеем, а там как выйдет, потому что будущего своего теперь никто не знает. Кроме, пожалуй, телеграфиста, который лежит перед нами в зимнем саду особняка-штаба без пальцев на руках и с улыбкой на лице, такой настоящей, широкой, почти радостной улыбкой, — абсолютно и давно мертвый.

Глава первая

РОСТОВ. НАЧАЛО

Стояли мы над несчастным мертвым телеграфистом, когда река от дождей и талого снега разлилась так широко, что по станицам и даже по городу ходили на лодках. День с мелкой моросью и туманом, неприятный, тяжелый, как мокрая старая вата, давал мало света. Пухлая магниевая вспышка полицейского фотографа освещала тело, а большая комната оставалась в тени.

Хотя коммерсант Парамонов сам передал свой красивый, обставленный с любовью особняк Добровольческой армии,

думаю, он был бы не рад увидеть, что от широкой гостиной ничего не осталось. Вся мебель убрана. У стен расставлены ящики, походная картотека. Неуместно нарядные зеркала в сложных рамах отражают механизм и путаницу блестящих проводов какой-то машины, похожей на огромную шарманку, и пристроенный рядом буквопечатающий телеграфный аппарат Юза с черными и белыми клавишами, как у рояля. На этом легкомысленные сравнения кончаются, и остальная обстановка комнаты напоминает о казарменном порядке. Ряды конторских столов, канцелярские папки, цветные флажки на картах.

Отопления нет во всем городе, и здесь даже камин давно не горит — вместо этого в углу переносная железная печка. Но все равно так холодно, что у всех пар идет изо рта. У всех, кроме мертвого тела в центре комнаты. Тело это еще недавно было телеграфистом штаба Добровольческой армии — subtilным, суетливым, любившим долго и многословно поговорить, немного занудой Василием Вареником. У него была смешная походка: на ходу он чуть раски-

дывал носки ботинок с аккуратными блестящими галошами в стороны, как будто слегка маршировал. Вот и теперь носки его ботинок немного разведены в стороны, но руки лежат вдоль тела, прямо по строевому уставу. Это странно, ведь здесь явно шла борьба.

Один из столов опрокинут, другой выдвинут, и угол его запачкан кровью. Кроме того, на правой кисти телеграфиста не хватает трех пальцев. Отрезаны они, на первый взгляд, не одним усилием, но однозначно чем-то чрезвычайно острым. Лицо мертвеца повернуто вверх, к стеклянному куполу потолка, по которому дождь тащит неширокие пласты февральского снега.

Судебный следователь Курнатовский перекрестился и присел перед телом, рассматривая странную улыбку-оскал на мертвом лице. Поскольку я приглашен сюда как судебный врач, то позволяю себе замечание.

— Я вас прошу: ничего не трогайте! — пришлось это сказать, хоть и знаю, что Курнатовский не терпит замечаний от подчиненных.

Но в комнату то и дело заглядывают любопытные, и с минуты на минуту сюда должно прибыть самое высокое начальство. Осмотреть тело я должен раньше.

— Улыбка... Егор, вы раньше видели такое?

Курнатовский со мной накоротке, и я не против фамильярности, ведь благодаря ему я здесь. К тому же я немного волнуюсь: до этого мне ни разу не приходилось работать полностью самостоятельно. Но в то же время я вполне уверен, пусть не в себе, но в науке, которую считаю своим призванием.

Постепенно и разговоры, и шуршание дождя пополам с мокрым снегом по окнам я перестаю слышать, сосредоточившись на деле. Прижимаю ковер — он влажный, но не от крови, а от воды. Дожди идут третий день подряд. Крови из изуродованной кисти совсем немного, значит, пальцы отрезали после смерти. А вот отчего смерть? Пулевых и ножевых ранений на теле нет. На затылке — травма. Испачканный кровью угол массивного стола явно виновник разбитого затылка, но он

ли причина смерти? И этот спазм мышц, «улыбка» — ее я объяснить не могу.

Сложно определить и время смерти. Эта новая для судебных медиков процедура не всегда дает точный ответ. Из передовых статей французского криминалиста Лакассаня, главы Лионской школы судебных медиков, я знаю, что сделать это можно при помощи данных о посмертном охлаждении тела. В первые три-четыре часа после смерти температура падает примерно каждый час на один градус. Но в комнате так холодно! Точно определить не выйдет, пожалуй, я рискнул бы назвать время после полуночи, но до рассвета.

Пока я занят первичным осмотром, к Курнатовскому подходит военный врач Эберг.

— Курнатовский, позвольте на несколько слов.

Видимо, начальство уже здесь.

* * *

— Снова с помощником? Не вижу необходимости в присутствии врача на месте

преступления. Простите, скажу прямо, и репутация сомнительна. Эберг — врач с большим опытом... А тут, извините, студент. Да и то, по-моему, бывший.

— Это не дело Эберга. Он помогает живым.

Я невольно слышу, как Курнатовский, Эберг и — с ними — адъютант и курьер для особых поручений при штабе Шеховцев говорят с несколькими офицерами у окна. Среди них выделяется высокий военный. Привычно отмечаю детали, с моим недостатком это особенно важно — запомнить жесты, одежду, привычки. У всех они разные: кто потирает руки, кто вынимает поминутно часы. А вот этот господин спокоен, только одна бровь немного приподнимается все время вверх (нервный тик). В волосах и усах нет седины, но у глаз заломы морщин, а на щеках видны фиолетовые сосуды — рискую предположить диагноз «атеросклероз», интересная болезнь из недавно открытых. Значит, он старше лет на пять, чем кажется на первый взгляд. Это выборный атаман Войска Донского, один из командующих силами

армии здесь, на Юге России. Обрывки их разговора долетают до меня, суются под руку, отвлекают и мешают.

— Лисица не кончил курса, вы правы, но он врач, поверьте, — это вступает сам Эберг, поддерживая меня. — Важнее то, что у него опыт есть, специализируется на судебной медицине. Работает передовыми методами, сам иногда удивляюсь. Ян Алексеевич, что скажете?

И тут же Курнатовский — ему в тон:

— Репутацию у меня заработал, я поручусь. Да и потом, ведь у нас никого другого нет, вы и сами это знаете. До того ли сейчас медикам?

К таким разговорам я привык. Точнее, приучил себя. Пусть обсуждают. И все равно мысленно я проговаривал все то, что хотел бы сказать господину атаману вслух. Уверенность большинства сторонних лиц в том, что любой врач может проводить манипуляции с телом, не погубив улик, была нелепа, но с ней приходилось считаться. Чтобы сдержаться и не вступить в спор (моя вспыльчивость и без того уже многого мне стоила), я повторяю про

себя нужные главы из «Пособника при судебно-медицинском исследовании трупа». Но, видимо, решение принято, ко мне идет Шеховцев. Пожимая руку, он говорит, что меня допустят к телу, и дальше, чуть тише:

— Курнатовский прав — других взять неоткуда. Уж не сердитесь, но это для атамана аргумент. Да и имя Льва Кирилловича сыграло роль.

При упоминании Льва Кирилловича Шеховцев смутился — он всегда легко краснеет, а тут получилось, что он неловко намекнул на протекцию, которую мне оказывает Лев Кириллович Вольский (ЛК, как называли его в нашей семье; сейчас его так называю только я). В ответ на слова Шеховцева я промолчал, сделав вид, что не заметил бестактности. Шеховцев мне нравится, он всем нравится. Хоть он и появился в штабе недавно, но мы с ним быстро по-дружески сошлись. Может, дело в возрасте? Он, по всей видимости, еще моложе меня.

В наш разговор вмешивается Курнатовский и довольно бесцеремонно просит

всех подождать за дверью. Когда мы остаемся втроем с телом, он переходит к делу сразу без лишних объяснений:

— Вы можете продолжать, Егор? Все необходимое с вами.

Мой медицинский саквояж — на широком мраморном подоконнике. Конечно, он не так хорошо собран, как известный чемодан Вэймана для судебных машин в Берлине. Но он был собран по его образцу, и все мне нужное там было. Толстый, с широкими боками, потертый, но хорошей кожи, вид его внушал мне уверенность, как вид товарища.

— Смотрите, картина, по-моему, ясная. Была драка, разбили голову... — Курнатовский приподнял руку мертвеца, осматривая кисть с обрубками пальцев. — Какие звери! «Гастролеров» сейчас полно, и из Одессы, и из Харькова. Да и московские бандиты есть. Но это вот наверняка подельники Гришки-кота. Они такие шутки выдумывают: режут уши, пальцы. У табачной фабрики с прохожего сняли все — он, видно, стал яриться, так убили и нос отрезали. Злодеи злодействуют, и злодейству-

ют злодеи злодейски. — Бормоча любимую цитату из книги пророка Исаии, он поднялся.

Оружия, которым были отрезаны пальцы, при осмотре помещения не нашли. Но вряд ли это нож, слишком нетипичное лезвие, судя по срезу. Если бы оружие нашлось, можно было бы попытаться применить новый метод исследования — дактилоскопию. Пальцевые отпечатки действительно помогали в поисках преступника, как в Европе, так и в России несколько раз послужив доказательством вины.

Я помнил нашумевший процесс в столичном окружном суде (убийство), где именно дактилоскопия помогла определить виновного — о нем много и подробно писали в «Вестнике полиции». И сам принцип взятия отпечатков я хорошо знал. Нужна была только штемпельная подушечка для оттисков. Здесь смысла затевать проверку не было. Ведь пришлось бы разыскать всех, кто заходил в комнату за последние несколько дней. Сизифов труд: в штабе постоянно толклись десятки людей. Но затея с отпечатками полностью

бесполезна еще и потому, что никакой картотеки в городской полиции нет. У наших консерваторов пока еще не было ни бертильонажа, ни полного каталога фотографических карточек, хотя столичная полиция уже давно издавала розыскные альбомы, а за номером 42 были объявлены правила дактилоскопирования задержанных.

Фотограф здесь был хороший. Но дело шло совсем не быстро. Курнатовский, поддерживая меня в остальном, всегда говорил, что и он, и любой околоточный знает всех городских негодяев и душегубов в лицо. А если будет «гастролер», так на этот случай можно запросить в столице полное описание по приметам. По фото же их сложно идентифицировать: стоит злоумышленнику, например, отрастить или, наоборот, сбрить густую бороду — и его невозможно узнать. Мои размышления прерывает сам Курнатовский:

— И ножа нет? Ну правильно, хороший нож не бросят. Не люблю поспешно судить, но здесь картина более или менее ясная. Как только они рискнули залезть

в штаб? Хотя большой куш соблазнил, понятно.

— Куш?

— Потом об этом. Значит, рискнули. А беспорядки только на руку. Если б власть снова поменялась, так и вообще никакого расследования не было бы.

Курнатовский наверняка был прав. Какой тут порядок, когда Ростов жил короткими, неглубокими вдохами между сменами власти! Обыватель, ложась спать, не знал, что увидит наутро. Как бы продолжая сон, нелепый и тревожный, конница с рдеющими флагами вошла в город на снежное Рождество, когда в витринах лавок были выставлены сахарные ангелы. Приказчики, покупатели и безглазые ангелы через витрины смотрели, как по Большому проспекту мчится автомобиль с красным бантом на стекле. С той поры, казалось, пробуждения так и не наступило. Добровольческая армия отбила город снова в праздник, начав атаку в Страстную субботу. И уже следующей — пасхальной — ночью офицеры с белыми погонами зашли в храм на окраине города, где шла

торжественная служба, поразив явлением священника и прихожан. Потом уже власти сменяли друг друга, как месяцы. Между ними сухо сыпалась ружейная стрельба.

Вокзал был переполнен в любое время. Кассы, перроны пестры от людей, будто на ярмарке. По ночам в порту протяжно, как звери, воют пароходы, переключаясь с паровозным гудком. Биржа работает круглые сутки. На улицах столичные знаменитости раскланиваются с московскими, политики и аферисты заказывают пятирублевое шабли, жаркое на водке для аромата или раков а-ля бордолез и зернистую икру в зале лучшего в городе ресторана «Сан-Ремо». Из ресторана гремит музыка. Сквозь высокое окно заведения печальными, как у лошади, глазами смотрит зазывала-негритенок.

Занятия в гимназиях не отменяли. Каждое утро аккуратные служащие шли в конторы. Часто, особенно в первые дни после смены любой власти, им приходилось отводить глаза от виселиц или конвойных, утыкаясь с одинаковым интересом и в афиши картинных вернисажей,

и в политические или патриотические плакаты, и в призывы сохранять спокойствие, расклеенные по всему городу. Жизнь шла своим чередом. К чаю бывал хороший хлеб, за ним у кофейни Филиппова теперь стояли «хвосты» — очереди. («Хвосты» — новое слово, оно появилось после переворота.) Иногда в «хвостах» у Филиппова дежурили сутками прямо на тротуарах, на матрацах.

И все-таки здесь, на юге, продукты еще были. По-домашнему накрывали столы с непременно белым армянским сыром и «греческим» вареньем, когда абрикос, а по-местному *жердела*, сохранялся в сладком густом янтарном сиропе целым. В варенье для этого добавляли известь. Закипал электрический чайник, хлопали двери, принося речной свежий запах и впуская новых гостей. За окнами в плоском степном небе поднимались крупные звезды, а гости все не расходились, все говорили, затевали политические споры, страшась тишины, обмениваясь новостями. Долго главной новостью было ожидание гастролей труппы артистов МХАТ, которые да-